

Ю.А. КАБАНОВ, А.В. ЧУГУНОВ, Г.О. ПАНФИЛОВ*

**ЭЛЕКТРОННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ
В РОССИИ: ОТ «ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ»
К «НЕРВАМ ГОСУДАРСТВА»¹**

Аннотация. С 2020 г. система электронного гражданского участия в России становится все более централизованной, при этом все отчетливее проявляется ее роль в решении информационно-аналитических задач многоуровневого государственного управления. «Обратная связь» от граждан в форме индивидуальных жалоб и обращений может использоваться для мониторинга ситуации на местах и контроля за нижестоящими уровнями власти. Подобная «управленческая» логика расходится с ранними представлениями об «электронной демократии» как об инструменте развития общественной делиберации и гражданских компетенций участия. В статье рассмотрены ключевые этапы формирования подобной модели электронного участия в России на основе анализа официальных документов и интервью с экспертами и представителями органов власти. Данные интерпретируются через призму концепции множественных потоков и подходов исторического нового институционализма. Основной аргумент статьи заключается в том,

* **Кабанов Юрий Андреевич**, старший преподаватель департамента политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», заместитель директора Центра технологий электронного правительства, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: ukabanov@hse.ru; **Чугунов Андрей Владимирович**, кандидат политических наук, директор Центра технологий электронного правительства, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: chugunov@itmo.ru; **Панфилов Георгий Олегович**, аналитик Центра технологий электронного правительства, Университет ИТМО (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: panfilovgeorg@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00364 «Институциональная трансформация управления электронным участием в России: исследование региональной специфики» (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

© Кабанов Ю.А., Чугунов А.В.,
Панфилов Г.О., 2025

DOI: 10.31249/poln/2025.03.08

что ключевые характеристики дизайна электронного участия как информационно-аналитического и управленческого инструмента были заложены еще на начальной стадии становления этого института. Установленная в период «окна возможностей» 2009–2012 гг. «колея» во многом определила последующие организационные и технологические решения, включая преобладание индивидуализированных форм участия (жалоб, голосований, обращений) и идею создания централизованного портала участия. Когда «окно» закрылось, под влиянием изменений во внешней среде преобладавший на ранних этапах фрейминг электронного участия в контексте «электронной демократии» ушел на второй план, уступив место фреймингу в русле решения проблем и повышения эффективности многоуровневого управления. Это позволило институту не только сохраниться, но и повысить свою актуальность.

Ключевые слова: электронное участие; электронная демократия; многоуровневое управление; информационная асимметрия; концепция множественных потоков; демократические инновации.

Для цитирования: Кабанов Ю.А., Чугунов А.В., Панфилов Г.О. Электронное гражданское участие в России: от «электронной демократии» к «нервам государства» // Политическая наука. – 2025. – № 3. – С. 182–205. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.08>

Введение

Каналы электронного общественного участия развиваются в России уже более десяти лет. Если обратиться к Индексу электронного участия ООН (рис. 1), можно заметить «прорыв» в 2012 г., когда страна поднялась на девятнадцатое место в мире. К 2020 г. прогресс замедлился, а затем и вовсе сменился падением. Кажется, что интерес государства к этой инновации постепенно, но неуклонно угасает.

Однако подобный вывод противоречит тому факту, что именно с 2020 г. в России появляются новые масштабные федеральные проекты, включая Платформу обратной связи «Госуслуги. Решаем вместе» (ПОС), сеть Центров управления регионом (ЦУР), систему мониторинга социальных сетей «Инцидент-менеджмент» и официальные сетевые сообщества государственных учреждений («госпаблики») [Filatova, Chugunov, Bolgov, 2023].

При этом все отчетливее проявляются контуры выбранной модели электронного участия. Во-первых, репертуар такого участия во многом ограничен индивидуализированными формами обращений и голосований по неполитическим вопросам [Карагулян, Батырева, 2024]. Так, ПОС позиционируется как «приложение для

решения проблем»¹, что соответствует цели новых инициатив, озвученной президентом: «эффективнее и быстрее решать проблемы, с которыми сталкиваются люди в повседневной жизни»². Во-вторых, выстраиваемая система электронного участия охватывает и регионы, и муниципалитеты, становясь более унифицированной и централизованной [Filatova, Chugunov, Bolgov, 2021]. Обращения граждан («обратная связь») становятся источником данных о ситуации на местах, что в теории позволит сократить информационную асимметрию между уровнями власти, усилить контроль и повысить управляемость [Чугунов, Панфилов, Кабанов, 2024; Панфилов, Чугунов, 2024]. В схожем ключе исследователи определяют инцидент-менеджмент как новую управленческую концепцию, сочетающую «программно-технические инструменты ... и организационно-правовые механизмы взаимодействия органов власти и управления различных уровней и профилей, направленные на снижение уровня медианегативизации какой-либо ... проблемы» [Косоруков, 2023, с. 41].

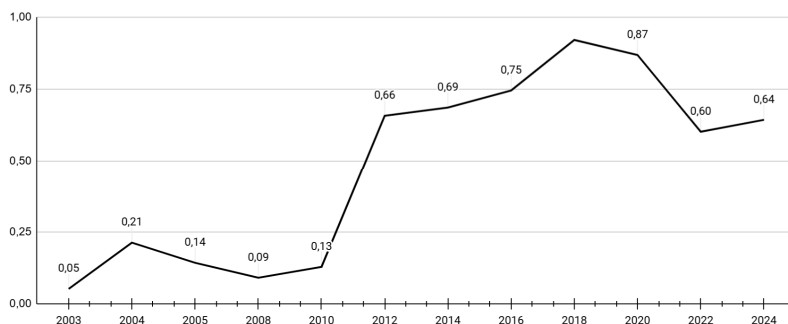

Рис. 1
**Динамика России в Индексе электронного участия ООН
(2003–2024)³**

¹ Платформа обратной связи. – Режим доступа: <https://pos.gosuslugi.ru/landing/> (дата посещения: 01.02.2025).

² Заседание Совета по развитию местного самоуправления, Красногорск, Московская область, 30.01.2020 // Президент России. – 30.01.2020. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62701> (дата посещения: 01.02.2025).

³ UN E-Government Knowledgebase // UN DESA. – Mode of access: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Data-Center> (accessed: 01.02.2025).

Иными словами, институт электронного участия в России, оставаясь актуальным, приобрел дополнительный смысл, став информационно-аналитическим инструментом в системе многоуровневого государственного управления. Подобная «управленческая» логика не соответствует изначальным нормативным представлениям теоретиков электронной демократии и демократических инноваций о развитии делиберативных практик и гражданских компетенций участия [Coleman, 2017; Elstub, Escobar, 2019]. Такую ситуацию нельзя считать специфически российской. Хотя отсылки к демократизации публичной сферы часто используются в продвижении подобных реформ [Bekkers, Homburg, 2007], на практике превалирует «прагматичная логика усиления состоятельности [saracity] государственного управления» [Woo, Kübler, 2020, p. 348]. Переход от партисипаторных и делиберативных механизмов к анализу общественного мнения в социальных сетях также может восприниматься целесообразным шагом, хотя он и противоречит логике активного вовлечения граждан в обсуждение публичной политики [Bright, Margetts, 2016]. Роль электронного участия в многоуровневом управлении хорошо описана на примере Китая, где через петиции, обращения и социальные сети граждане направляют сигналы о локальных проблемах и нарушениях, что в свою очередь позволяет центру повышать контроль центральной власти над местными чиновниками, снижая остроту принципал-агентской проблемы [Lorentzen, 2014; Chen, 2016].

Настоящая статья посвящена описанию ключевых этапов формирования электронного участия в России. С одной стороны, нас интересуют паттерны его трансформации в сторону информационно-управленческого инструмента, с другой – основания его устойчивости и адаптивности, позволившие этому институту сохранить актуальность и значимость для политической системы.

Эмпирическими данными исследования выступают документы, новостные сообщения, а также ряд проведенных полуструктурированных интервью с вовлеченными в описываемые процессы экспертами. К ним относятся представители федеральных и региональных органов власти, общественные активисты, а также представители академических и исследовательских организаций. В рамках статьи используются десять интервью, характеристика респондентов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Список экспертов для интервью

Код	Профессиональная характеристика эксперта	Дата интервью
И-1	Государственный служащий федерального уровня	Октябрь 2023 г.
И-2	Государственный служащий федерального уровня	Июль 2024 г.
И-3	Эксперт федерального уровня в сфере проектов электронного управления	Февраль 2024 г.
И-4	Исследователь, эксперт в области электронного управления	Март 2015 г.
И-5	Общественный активист	Июль 2024 г.
И-6	Исследователь, эксперт в области электронного управления	Апрель 2024 г.
И-7	Исследователь, эксперт в области электронного управления	Апрель 2024 г.
И-8	Общественный активист	Апрель 2023 г.
И-9	Государственный служащий регионального уровня	Апрель 2024 г.
И-10	Государственный служащий федерального уровня	Октябрь 2023 г.

Эти данные интерпретируются нами через призму концепции множественных потоков (*multiple streams framework, MSF*) [Zahariadis, 2014], а также подходов исторического нового институционализма к анализу изменчивости и устойчивости институтов и политических курсов [Mahoney, Thelen, 2010].

Основной аргумент статьи заключается в том, что все ключевые институциональные характеристики электронного участия, включая репертуар форм участия и его место в централизованной системе многоуровневого управления, были определены еще на начальной стадии «окна возможностей» в 2009–2012 гг. Изначальный дизайн электронного участия в русле «управленческой» логики определил «колею» (*path*) для последующих организационных и технологических решений; в то же время он оказался достаточно адаптивным для того чтобы сохранить устойчивость и приобрести новый смысл в контексте централизации управления. При этом на уровне фрейминга преобладавшая вначале «демократическая» логика – дискурс электронной демократии – со временем уступила место логике «управленческой».

Данный аргумент раскрывается нами через два сюжета. Во-первых, мы описываем историю появления электронного участия на повестке дня вплоть до первых попыток его институционализации в 2009–2012 гг. Во-вторых, мы описываем ключевые трансформации этого института 2012–2020 гг., отмечая влияние сформулированного в «окне возможностей» дизайна на дальнейшее развитие и текущий облик электронного участия.

**«Окно возможностей»:
институционализация электронного участия
в 2010–2012 гг.**

Концепция *MSF* представляется удачной моделью для описания того, почему какие-то вопросы оказываются на повестке дня и какие решения принимаются в итоге. Согласно концепции, существует три потока: политический поток (*politics stream*), поток проблем (*problem stream*) и поток решений (*policy stream*). В определенный момент эти потоки объединяются в «окне возможностей» (*policy window*), что позволяет отдельным акторам – антрепренерам (*policy entrepreneurs*) – привлечь внимание политиков к данной проблеме и предложить то решение, которое кажется им правильным: в терминах теории – осуществить сцепление потоков (*coupling*) [Zahariadis, 2014]. Успешность их действий, в частности, зависит от того, насколько подходящим оказался выбранный ими фрейминг (*framing*): смогли ли антрепренеры представить проблему в нужном свете и «изложить решение в формулировках, которые понравятся лицам, принимающим решения» [Zahariadis, 2008, p. 18].

Если вновь обратиться к данным ООН (рис. 1), становится ясно, что «окно возможностей» для электронного участия в России открылось незадолго до 2011 г. Условия *политического потока* для подобной реформы в тот период были довольно благоприятными. Так, с 2008 г. информатизация органично вписывается в предвыборную стратегию Д.А. Медведева и программу «модернизации»¹. Так же активно он продвигает использование чиновниками и политиками социальных сетей [Renz, Sullivan, 2013]. Анализ П.В. Колозариدي и А.Ю. Шубенковой показывает, что в официальном дискурсе того периода преобладает положительное отношение к Интернету [Колозариди, Шубенкова, 2016]. Важно, что в отношении цифровизации госуправления и публичной политики отчетливо прослеживается «демократическая» логика. Например, в 2010 г. Д.А. Медведев заявил, что «современные средства коммуникации ... создают совершенно новые условия для развития демократии и в России, и в других странах мира... Я считаю, что, скажем, эпоха представительной демократии в какой-то момент может снова уступить в значительной мере непосредственной

¹ Выступление Д.А. Медведева на Красноярском экономическом форуме. Красноярск // Вести. – 15.02.2008. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/theme.html?tid=54173> (дата посещения: 01.02.2025).

демократии. Демократии, которая осуществляется путем непосредственного голосования через сеть не только по вопросам политическим, но по самым разным вопросам»¹. В 2012 г. в своей предвыборной статье В.В. Путин отметил, что «Интернет-демократия должна быть встроена в общий поток развития институтов прямой референдумной демократии. Особенно широкое применение она должна получить на муниципальном и региональном уровне... Необходимо, чтобы граждане на городском, муниципальном уровне могли голосовать, выносить на местные референдумы или интернет-опросы свои острые проблемы, выявлять узкие места и способы их расшить»².

По мнению опрошенных нами экспертов, *поток решений* сформировался значительно раньше. Еще в начале 2000-х годов появляются первые аналитические работы по заказу органов власти, где была определена возможная архитектура электронного правительства с компонентом электронной демократии (И-2, И-3)³. Эксперты не склонны считать, что наработки того периода были напрямую включены в итоговые решения, но сама эта деятельность позволила сформировать достаточно узкую группу специалистов, которые были затем привлечены к подготовке официальных документов (И-2). Они же, по сути, стали *антрепренерами* политического курса. На начальном этапе большое влияние на концептуализацию электронного участия оказывает зарубежный опыт: специалистами активно изучались документы международных организаций и кейсы отдельных стран, откуда перенимались нормативные установки относительно электронной демократии и соответствующая терминология (И-1, И-3). При этом нельзя говорить о каком-то доминирующем источнике: *это скорее была история про общие принципы и подходы* (И-2), переосмысление и адаптация некоего обобщенного опыта (И-1, И-3).

Существенными впоследствии оказались и другие установки, которые преобладали в среде антрепренеров, а именно «управ-

¹ Встреча Д.А. Медведева с ведущими российскими и зарубежными политиками на мировом политическом форуме «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» // Президент России. – 10.09.2010. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8882> (дата посещения: 01.02.2025).

² Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – 06.02.2012. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата посещения: 01.02.2025).

³ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на интервью в соответствии с таблицей 1.

ленческая» логика в дизайне электронного участия и прагматический подход к его реализации. Эксперты указывают, что *эта история была управленческая, ... про теорию управления и обратную связь. ... Есть официальная система, у нее либо есть нормально налаженная отрицательная (положительная) обратная связь, либо нет* (И-1). При этом разработчики *сразу пытались понять, как она будет работать на уровне программного продукта, как будет практически, в виде процедур, существовать и реализовываться* (И-2).

В потоке проблем выделяются два главных обстоятельства, которые в терминологии MSF можно определить как «обратную связь» (*feedback*) и «индикаторы» (*indicators*) [Zahariadis, 2014]. Обратная связь подразумевает результат обработки полученного ранее опыта или его «перетекание» (*spillover*) от предыдущего политического курса к новому [Zahariadis, 2014, p. 32]. Действительно, к 2009 г. появилась необходимость нового стратегического документа, который бы пришел на замену федеральной целевой программе «Электронная Россия» (2002–2010), в последние годы ее реализации, направленной в основном на информатизацию органов власти (И-2, И-3). В новом документе нужно было отразить текущие приоритеты цифровизации общества, в том числе связанные с построением электронного правительства, что давало возможность запланировать новые проекты (И-2). Важным в этом контексте стал поворот от технологических к социальным аспектам развития информационного общества: *До 2008 года ... казалось, чем больше компьютеров наставишь, тем быстрее трансформируется и госуправление ... Выяснилось, что инфраструктура – не драйвер ... изменения подхода ни в обществе, ни в управлении... Во главу угла поставили конечный результат использования ИТ, а не процесс* (И-10).

Ко второму компоненту (*индикаторы*) следует отнести восприимчивость страны к международным инициативам в области «электронного государства». Так, по мнению экспертов, подготовка ФЦП «Электронная Россия» во многом стала следствием подписания Россией Окинавской хартии глобального информационного общества (И-4). Особое внимание стало уделяться и международным рейтингам: политическое руководство страны выражало недовольство низкими позициями России в Индексе ООН¹. Данное обстоятельство могло не только повысить значи-

¹ Стенографический отчет о заседании Совета по развитию информационного общества // Президент России. – 12.02.2009. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/3161> (дата посещения: 01.02.2025).

мость этого политического курса, но и определить его дизайн: приоритет отдавался тем мерам, которые бы обеспечили быстрый рост нужных показателей [Bershadskaya, Chugunov, Trutnev, 2012].

Судя по всему, «окно возможностей» открылось именно из потока проблем. Необходимость принятия нового стратегического документа позволила антрепренерам включить в него уже проработанные положения. Таким документом стала принятая в 2010 г. государственная программа (далее – ГП) «Информационное общество» (2011–2020)¹.

Одним из мероприятий ГП было заявлено «создание сервисов для обеспечения общественного обсуждения и контроля за деятельностью органов государственной власти», по итогам чего должна была быть «разработана единая коммуникационная платформа, обеспечивающая функционирование технологических сервисов (вопросы, пожелания, обсуждения решений и проектов документов, опросы и голосования, официальные обращения)»². Данное положение стало первым опытом институционализации электронного участия в России.

Непосредственным следствием включения этого пункта в ГП стал разработанный Минкомсвязи проект Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г. (далее – Концепция Минкомсвязи)³ и созданный в 2011 г. Единый портал электронной демократии.

Концепция Минкомсвязи сочетала в себе как общие принципы построения электронной демократии, так и подробное описание конкретных механизмов взаимодействия граждан и власти. В рамках общих положений, по сути, осуществлялся *фрейминг* проблемы, и здесь явным образом преобладает «демократическая» логика. На уровне ценностей документ явным образом разделяет электронное правительство и электронную демократию, связывая

¹ Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20.10.2010 г. № 1815-р // Минцифры. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/uploaded/files/1815_1.pdf (дата посещения: 01.02.2025).

² Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20.10.2010 г. № 1815-р // Минцифры. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/uploaded/files/1815_1.pdf (дата посещения: 01.02.2025).

³ Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года (проект) // Администрация Томской области. – Режим доступа: <https://tomsk.gov.ru/files/front/download?id=2469> (дата посещения: 01.02.2025).

последнюю с развитием гражданского общества, самоорганизацией людей и укреплением демократических институтов управления. Акцент делался и на распространенности опыта электронной демократии в других странах¹. Подобный фрейминг вполне укладывался в логику дискурса политического потока, описанного нами выше.

На уровне же технологических решений предлагалась Единая система электронной демократии, предполагающая:

- «создание электронного ресурса, который бы придал обсуждениям в интернет-среде юридическую значимость и обеспечил обязательность рассмотрения органами власти, в компетенции которых находятся обсуждаемые пользователями вопросы и проблемы;

- разработку механизма, посредством которого по публично обсуждаемым проблемам открыто и общедоступно будут размещаться на сайте коллективные обращения и ответы на них, что серьезно повысит ответственность государственных и муниципальных служащих и позволит гражданам отчетливо увидеть и оценить качество работы любого чиновника на основе реальных дел и документов, наглядно иллюстрирующих формат и характер общения данного чиновника с гражданами;

- создание интерактивной системы оценки, предоставляющей гражданам возможность оценивать деятельность чиновника по его решению проблемы, в первую очередь посредством оценки поступающих ответов на обращения граждан. В конечном итоге все эти оценки накапливаются, и на основе их можно делать выводы о качестве работы органов власти отдельных ведомств, муниципальных образований или даже целых регионов;

- обеспечение должностных лиц государственных и муниципальных органов правом и механизмами доступа ко всем «народным» оценкам, касающимся деятельности подчиненных, а также к материалам по предмету обращений и запросов граждан, что даст руководителям дополнительную информацию и дополнительные инструменты для принятия и корректировки управленческих решений»².

Можно заметить, что предлагавшаяся в тот момент система имела значительные пересечения с современной моделью электронного участия. Во-первых, в большинстве описываемых решений про-

¹ Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года (проект) // Администрация Томской области. – Режим доступа: <https://toms.gov.ru/files/front/download?id=2469> (дата посещения: 01.02.2025). С. 1–2.

² Там же. С. 14.

слеживались элементы «управленческой» логики, согласно которой каналы электронной демократии – это источник «обратной связи», которая не только повышает подотчетность чиновников перед гражданами, но и усиливает контроль органов власти над нижестоящими структурами. В документе отмечалось, что «у руководящего состава ведомств и территорий появляется возможность использовать “народные оценки” качества работы организаций как один из факторов оценки работы подведомственных организаций...»¹. Во-вторых, уже на тот момент система электронного участия виделась централизованной и охватывающей все уровни власти. Как отмечают опрошенные эксперты, до закрытия Единого портала к нему успели подключить ряд регионов и муниципалитетов: *это была некая централизованная система, состоящая ровно из тех блоков, из которых сейчас состоит ПОС (И-2)*. В-третьих, описанный функционал в целом соответствует тому репертуару форм электронного участия, которые впоследствии стали наиболее распространенными на региональном уровне (о чем мы подробно пишем далее) и в итоге были реализованы в ПОС, а именно жалобы, обращения и голосования.

Предложенный проект не обошелся без критики со стороны экспертов и активистов. Указывалось, что, если обратить внимание на предлагаемые технические решения, то электронная демократия фактически становилась компонентом «сервисного» электронного правительства [Белов, 2012]. Инициативной группой была разработана альтернативная общественная концепция, где больший упор был сделан на набирающие в тот период популярность идеи краудсорсинга и, в целом, расширение репертуара возможных форм электронной демократии². Сравнивая два проекта, эксперты в интервью отмечают, что *Минкомсвязи предлагало некую вертикальную интеграцию, а общественные активисты больше упирали на децентрализацию (И-5)*.

Важной площадкой для обсуждения Концепции Минкомсвязи стал тематический круглый стол на первом Конгрессе электронной демократии в 2012 г. Критики проекта отмечали, что выбранные инструменты электронного участия скорее служат целям оптимизации работы органов власти, а не вовлечения граждан в публич-

¹ Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года (проект) // Администрация Томской области. – Режим доступа: <https://tomsk.gov.ru/files/front/download?id=2469> (дата посещения: 01.02.2025).

² Общественная концепция развития механизмов электронной демократии в РФ // Архив авторов.

ную политику, в то время как авторы документа защищали прагматизм выбранного подхода, при котором выбор инструментов электронной демократии исходит из возможностей их практической реализации, экономической целесообразности и ожидаемых реальных эффектов¹.

Стоит отметить, что в период «окна возможностей» также возник ряд общественных платформ электронной демократии – как на федеральном, так и на региональном уровне. Однако довольно скоро повестка, связанная с электронным участием, была перехвачена органами власти, гражданские проекты (например, портал «Красивый Петербург» и другие общественные инициативы) не выдержали конкуренции и постепенно исчезли. Отчасти это было связано с тем, что государственные платформы быстрее и эффективнее справлялись с обращениями граждан, а в ряде случаев органы власти приостановили прием обращений на официальные электронные почты, что затруднило работу многих общественных порталов [Chugunov, Kabanov, Misnikov, 2017].

В исходном виде проекты просуществовали недолго. Проект Концепции Минкомсвязи так и не был принят официально, а Единый портал был закрыт уже в 2012 г., однако заложенный антрепренерами прагматичный подход в итоге стал преобладающим. Хотя фреймирование электронного участия происходило в контексте популярной концепции электронной демократии, конкретные технологические и организационные решения формулировались в «управленческой» логике работы органов власти с обращениями граждан, где общественное участие является информационно-аналитической основой государственного управления. На том же этапе были заложены идеи о централизованной системе, позволяющей осуществлять мониторинг и контроль как со стороны граждан, так и со стороны вышестоящих уровней власти.

От «Российской общественной инициативы» к «Платформе обратной связи»

Спад общественной дискуссии не означал ухода темы электронного участия с повестки дня (И-1, И-2). Более того, с созданием в 2012 г. Управления Президента по применению информационных

¹ Материалы выступлений на круглом столе (слайды презентаций выступающих) доступны в Архиве авторов.

технологий и развитию электронной демократии значимость этого направления могла усилиться¹.

В 2013 г., в соответствии с обозначенным Президентом приоритетом на построение «прямой референдумной демократии»², был запущен портал электронных петиций «Российская общественная инициатива» (далее – РОИ)³. Функционал портала был описан в Концепции Минкомсвязи, и в определенном смысле РОИ пришла на замену закрытому Единому portalу (И-2, И-3). Правда, в РОИ был реализован только функционал электронных петиций. Портал существует до сих пор, хотя интерес к нему со стороны граждан неуклонно снижается. В литературе такую ситуацию часто связывают с его низкой результативностью – небольшим количеством поддержанных инициатив и слабым влиянием на принятие решений [Волошинская, 2016]. Некоторые опрошенные эксперты отметили, что концептуально РОИ являлось проектом, наиболее близким к моделям электронной демократии (И-6). Однако из-за дополнительных институциональных «фильтров» между петицией и Государственной думой (И-6, И-7), институционального сопротивления со стороны бюрократического аппарата и отсутствия коммуникации граждан между собой (И-5), этот потенциал реализован не был.

Свою роль сыграла и необходимость аутентификации пользователей через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА). Это снизило долю граждан, имеющих возможность подать петицию или проголосовать (особенно вначале), повысив издержки для участия [Chugunov, Kabanov, Zenchenkova, 2016]. Особенно негативно это сказалось на локальных инициативах: *за счет того, что были высокие требования законодательства, это отсекло большое количество низовых инициатив (И-1).*

¹ Утверждено Положение об Управлении Президента по применению информационных технологий и развитию электронной демократии // Президент России. – 23.08.2012. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/16282> (дата посещения 01.02.2025).

² Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. – 06.02.2012. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата посещения: 01.02.2025).

³ Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36853> (дата посещения: 01.02.2025).

Тем не менее, роль портала в построении современной системы электронного участия весьма значительна. Во-первых, недостаточная приспособленность РОИ для реализации локальных инициатив открыла возможность создания региональных каналов электронного участия. Как указывал И.И. Массух, руководитель «Фонда информационной демократии» (оператор РОИ), «Запуск РОИ стал локомотивом для использования ИКТ в коммуникациях с гражданами – в развитие идей появились локальные сервисы типа “Активного гражданина”, порталы по сбору предложений граждан в регионах, электронные собрания жильцов»¹. Стоит отметить, что в период «окна возможностей» И.И. Масух работал в Минкомсвязи в статусе заместителя министра и курировал в том числе создание Единого портала электронной демократии.

Федеральные инициативы в сфере электронного участия показали приоритетность этого направления активности, и с 2013–2014 гг. регионы начинают активно внедрять собственные решения. Характерно то, что за некоторыми исключениями региональные каналы электронного участия стали развиваться в той же административно-управленческой логике, воплощая обозначенные в Концепции Минкомсвязи каналы: «электронные приемные» губернаторов, порталы для подачи жалоб на местные проблемы или голосования по локальным вопросам [Панфилов, Чугунов, 2024; Панфилов, Волкова, Чугунов, 2024]. В системе регионального управления эти каналы стали выполнять те же информационно-аналитические функции, но уже для руководителей субъектов [Gritsenko, Indukaev, 2021; Schlauffer, 2021].

Следует отметить, что одним из таких региональных проектов по оперативному реагированию на жалобы жителей Московской области стал «Добродел», запущенный в 2015 г. под руководством М.И. Шадаева². Впоследствии именно опыт Московской области лег в основу новых федеральных проектов, когда М.И. Шадаев в 2020 г. возглавил Минцифры³.

¹ Исполнилось 5 лет Российской общественной инициативе // D-Russia.Ru. – 05.03.2018. – Режим доступа: <https://d-russia.ru/ispolnilos-5-let-rossijskoj-obshhestvennoj-initsiative.html> (дата посещения: 01.02.2025).

² Шадаев назвал самые популярные темы обращений в «Добродел» // РИА Новости. – 24.05.2016. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160524/1439175695.html> (дата посещения: 01.02.2025).

³ Посещение Центра управления регионом в Подмосковье // Президент России. – 30.01.2020. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62702> (дата посещения: 01.02.2025).

Еще одним важным следствием создания РОИ стала централизация работы с обращениями граждан. В 2017 г. подписан Указ Президента, в соответствии с которым Администрация Президента должна была «обеспечить мониторинг и анализ результатов рассмотрения обращений», которые поступают в органы власти и государственные учреждения, а также инициативы, поданные на портал РОИ¹. «Фонд информационной демократии», оператор РОИ, был определен организацией, отвечающей за сбор и анализ поступающих обращений². Все органы власти и учреждения должны были установить на свои сайты специальные «счетчики обращений», которые бы позволяли осуществлять этот мониторинг автоматизированно³. Таким образом, хотя РОИ нельзя назвать результативным каналом, этот проект в числе прочего подготовил почву для развития единой системы, контролирующей работу органов власти всех уровней (И-2).

Появление новых инициатив (ПОС, ЦУР и др.) также можно связать с открывшимся «окном возможностей» при утверждении в 2019 г. федерального проекта «Цифровое государственное управление»⁴ и назначением в 2020 г. М.И. Шадаева министром цифрового развития, связи и коммуникаций.

Новые каналы концептуально имеют много общего с проектами 2012 г. – особенно с точки зрения репертуара участия и идеи построения централизованной системы. Важное отличие заключается в том, что *фрейминг* этих каналов со стороны лиц, принимающих решения, в значительно большей степени завязан на «управленческую», а не на «демократическую» логику. В частности, подчеркивается оперативность решения проблем граждан при четком и автоматизированном распределении ответственности чиновников⁵, а также использование «обратной связи» для принятия

¹ Указ Президента РФ от 17 апреля 2017 г. № 171 «О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций» // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41869> (дата посещения: 01.02.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление». Утвержден 28.05.2019 // Минцифры. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (дата посещения: 01.02.2025).

⁵ Чернышенко рассказал о работе платформы обратной связи на «Госуслугах» // Российская газета. – 12.08.2022. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/08/12/>

управленческих решений¹. Показательно выступление заместителя председателя Правительства РФ Д.Н. Чернышенко, отметившего на одном из совещаний, что «При формировании Координационного центра Правительства особый акцент сделан на возможности получения оперативной, качественной обратной связи от населения. Функционал ПОС позволяет решить эту задачу»².

Роль новых каналов в системе многоуровневого управления подчеркивается не так часто, однако на нее указывают опрошенные эксперты, отмечая усиление позиций федерального центра через *информирование власти о ситуации (И-8), мониторинг процессов, которые происходят в регионах, анализ эффективности работ региональных команд (И-9)*. Как указывает один из интервьюируемых, *...история более для управленческого контроля. Производится сбор обратной связи напрямую от граждан в качестве данных, используемых для управленческих задач, в том числе в части повышения контроля за работой нижестоящих государственных учреждений (И-3)*.

Таким образом, после «окна возможностей» 2010–2012 гг. развитие электронного участия в России пошло по нескольким траекториям: создание в регионах инициативных каналов и нормативно-обязательных электронных приемных, развитие РОИ и некоторых других менее значимых проектов, создавших предпосылки для создания к 2020 г. единой централизованной модели электронного участия. При этом на уровне фрейминга проблемы «демократическую» логику постепенно заместила логика «управленческая».

chernyshenko-rasskazal-o-rabote-platformy-obratnoj-sviasi-na-gosuslugah.html (дата посещения: 01.02.2025).

¹ Дмитрий Чернышенко: За 2 года на основе аналитики ЦУР было принято более тысячи управленческих решений // РИА Калмыкия. – 02.12.2022. – Режим доступа: <https://riakalm.ru/news2/36220-dmitrij-chernyshenko-za-2-goda-na-osnove-analitiki-tsur-bylo-prinyato-bolee-tysyachi-upravlencheskikh-reshenij> (дата посещения: 01.02.2025).

² Дмитрий Чернышенко: Цифровая платформа «Госуслуги. Решаем вместе» будет запущена во всех субъектах страны // Правительство России. – 12.03.2021. – Режим доступа: <http://government.ru/news/41722/> (дата посещения: 01.02.2025).

Устойчивость и адаптивность электронного участия в России

Анализ более чем десятилетней истории развития электронного участия позволяет выделить отдельные элементы устойчивости этого института. Прежде всего это касается собственно его дизайна, с заложенной в нем «прагматичной», «управленческой», информационно-аналитической логикой, с преобладанием индивидуальных форм участия (например, обращений и голосований), которые после 2012 г. появляются в регионах, а к 2020 г. вновь становятся актуальными на федеральном уровне, когда возрождается и обозначенная ранее идея построения единой, централизованной системы электронного участия. Иными словами, развиваемые с 2020 г. инициативы во многом оказались зависимы от «колеи» (*path dependent*) исходных концептуальных идей, организационных и технологических решений.

Вероятных причин такой устойчивости несколько. Во-первых, в некотором смысле выбранный дизайн электронного участия можно считать зависимым от прежних институтов: и до появления цифровых платформ индивидуальные «жалобы и предложения» были привычными для органов власти каналами коммуникации с гражданами [Libman, Kozlov, 2017]. В этом контексте современные институты гражданского участия являются гибридом новых веяний и традиционных практик [Owen, 2020], а электронное участие, по мнению некоторых исследователей, является скорее технологической «оболочкой» существующих институтов участия, нежели чем-то самостоятельным [Капогузов, Ревякин, 2019].

Во-вторых, по результатам интервью можно сделать вывод, что, хотя персональный состав антрепренеров менялся, социальные и профессиональные связи между экспертами сохранялись и обеспечивали определенную преемственность (И-2). Видимые в новостной повестке «всплески» являются, судя по всему, следствием постепенного развития этого направления внутри управленческой системы: *Для всего нужно время. Идея есть, методологически все классно, а реализовать это невозможно, потому что условия не сложились... Система была запущена, какое-то время поработала даже, но не хватило административных усилий, нормативных оснований... А сейчас они сложились, и поэтому платформа обратной связи работает (И-2).*

На наш взгляд, в сохранении актуальности электронного участия сыграла немалую роль и адаптивность этого института к изменяющимся внешним условиям. Заметно, как на протяжении

исследуемого периода менялся фрейминг электронного участия, где дискурс «электронной демократии» постепенно трансформировался в дискурс «обратной связи» с акцентом на эффективность решения проблем. Здесь мы наблюдаем то, что Дж. Торфинг называет «формированием пути» (*path shaping*), когда «неопределенности, присущие политическому курсу, могут быть использованы политическими антрепренерами, которые стремятся адаптировать этот курс к новым идеям или обстоятельствам» [Torfing, 2009, p. 79].

У нас нет данных, которые бы позволили однозначно определить используемую антрепренерами стратегию фрейминга. Однако наблюдаемые тренды в развитии электронного участия логично укладываются в русло централизации государственного управления [Starodubtsev, 2018], которые актуализируют проблему принципал-агентских отношений [Klimovich, 2023]. Отдельные случаи децентрализации (например, во время пандемии COVID-19) также потребовали новых механизмов снижения информационной асимметрии [Libman, Obydenkova, 2023]. Следует отметить, что новые проекты в области электронного участия совпали и с закреплением принципа единства системы публичного управления в России – от федерального уровня до местного [Добрынин, 2022], что увязывается с решением о переносе практики построения ЦУР на муниципальный уровень¹. Таким образом, электронное участие вполне могло быть представлено как построение информационно-аналитической системы в целях повышения управляемости страны.

Не менее значимо и то, что принятые с 2012 г. организационные и технологические решения также показали высокий уровень адаптивности, отражая двойственность демократических инноваций как возможных механизмов демократизации и одновременно управленческих инструментов. Анализ ситуации в России позволяет говорить о том, что электронное участие развивается в логике институциональной *конверсии*, при которой существующие институты приспособляются к «новым целям, функциям и задачам» [Mahoney, Thelen, 2010, p. 17–18]. Похожие феномены определяются исследователями информационных технологий как *разрастание функционала* (*function creep*) [Koops, 2021]. Особенно важным в этом контексте представляется постепенное возрастание

¹ Центры управления регионами // АНО «Диалог Регионы». – Режим доступа: <https://dialog.info/projects/region-management-center/> (дата посещения: 01.02.2025).

способности государства создавать централизованные сервисы, в том числе для целей мониторинга.

Заключение

История развития электронного участия в России может восприниматься по-разному. Некоторым исследователями она видится скорее историей не вполне удавшегося трансфера демократической инновации, во многом не достигшей целей вовлечения граждан в публичную политику [Волошинская, 2016].

В настоящей статье представлена попытка взглянуть на эту историю по-другому, с точки зрения построения государством своей «нервной системы», если воспользоваться метафорой К. Дойча [Deutsch, 1966]. За более чем десять лет каналы электронного участия не только сохранились, но и приобрели новый институциональный смысл в контексте решения проблемы информационной асимметрии, актуальной для многоуровневых политических систем [Григорьев, Декальчук, Губайдуллина, 2021]. Большую роль в этом сыграл и изначально выбранный «управленческий» дизайн института и его способность изменяться под воздействием внешних обстоятельств – на уровне фрейминга политического курса, а также на уровне целей создаваемых организационных и технологических решений.

Важным итогом развития электронного участия также стал перехват этой повестки государством и исчезновение многих гражданских инициатив, возникших в период «окна возможностей». Централизованная, официальная «нервная система» с четкой системой поощрений и наказаний стала более приоритетным источником стимулов для органов власти, поэтому проблемы граждан через эти каналы решались быстрее. Результативность официальных каналов привела к снижению популярности и исчезновению иных «рецепторов» – вроде общественных платформ электронного участия.

Безусловно, наше исследование имеет ряд ограничений. Прежде всего следует отметить, что, хотя обозначенный тренд на централизацию является доминирующим, пока он не привел к исчезновению инициативных региональных каналов, в том числе тех, которые расширяют репертуар гражданского участия (в частности, порталы краудсорсинга) [Чугунов, Панфилов, Кабанов, 2024; Панфилов, Чугунов, 2024]. Открытым остается и вопрос, связанный с

эффективностью электронного участия как информационно-аналитического инструмента в многоуровневой политической системе. Кроме того, за рамками нашего анализа остались не менее важные сюжеты, которые развивались параллельно с описываемыми в статье событиями: построение открытого правительства, внедрение открытых государственных данных и инициативного (партиципаторного) бюджетирования. Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении.

Y.A. Kabanov, A.V. Chugunov, G.O. Panfilov*
**Electronic citizen participation in Russia: from “e-democracy”
to the “nerves of government”¹**

Abstract. Since 2020, the system of e-participation in Russia has been increasingly centralizing, and its role in addressing the tasks of multilevel governance is becoming more profound. Citizens’ feedback in the form of individual complaints and appeals can be used to monitor the situation in the regions and municipalities and to control local bureaucrats. Such “administrative” logic diverges from earlier interpretations of electronic democracy as a tool for developing public deliberation and civic participation capabilities. The article examines the key stages in the formation of this e-participation model in Russia. The analysis is based on official documents and interviews with public officials, interpreted through the lens of the Multiple Streams Framework (MSF) and the Historical New Institutionalism. The main argument of the article is that the major design features of e-participation, as an information, analytical and administrative tool were established at the initial stage of its development. The path established during the period of the policy window from 2009 to 2012 largely determined subsequent organizational and technological solutions, including the predominance of individualized participation forms (complaints, voting) and the idea of a centralized e-participation portal. When the policy window closed, due to the changes in the political environment, the framing of e-participation in the context of e-democracy, which had prevailed earlier, steadily faded away, while the framing focused on problem solving and governance efficiency became predominant. This allowed the institution not only to survive but also to increase its relevance to the authorities.

Keywords: e-participation; e-democracy; multilevel governance; information asymmetry; multiple streams framework; democratic innovations.

* **Kabanov Yuri**, ITMO University (St. Petersburg, Russia), e-mail: ykabanov@hse.ru; **Chugunov Andrei**, ITMO University (St. Petersburg, Russia), e-mail: chugunov@itmo.ru; **Panfilov Georgiy**, ITMO University (St. Petersburg, Russia), e-mail: panfilovgeorg@gmail.com

¹ The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00364 “Institutional Transformation of E-Participation Governance in Russia: A Study of Regional Peculiarities” (<https://rscf.ru/project/22-18-00364/>).

For citation: Kabanov Y.A., Chugunov A.V., Panfilov G.O. Electronic citizen participation in Russia: from “e-democracy” to the “nerves of government”. *Political science (RU)*. 2025, N 3, P. 182–205. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.08>

References

- Bekkers V., Homburg V. The myths of e-government: looking beyond the assumptions of a new and better government. *The information society*. 2007, Vol. 23, N 5, P. 373–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/01972240701572913>
- Belov V. Electronic democracy in contemporary Russia. *Values and meanings*. 2012, Vol. 20, N 4, P. 129–138. (In Russ.)
- Bershadsckaya L., Chugunov A., Trutnev D. E-government in Russia: is or seems? In: Ferriero D. (ed.). *ICEGOV '12: Proceedings of the 6th International conference on theory and practice of electronic governance*. New York: ACM, 2012, P. 79–82. DOI: <https://doi.org/10.1145/2463728.2463747>
- Bright J., Margetts H. Big data and public policy: can it succeed where e-participation has failed? *Policy & Internet*. 2016, Vol. 8, N 3, P. 218–224. DOI: <https://doi.org/10.1002/poi3.130>
- Chen J. *Useful complaints: how petitions assist decentralized authoritarianism in China*. Lanham: Lexington Books, 2016, 204 p.
- Chugunov A.V., Kabanov Y., Misnikov Y. Citizens versus the government or citizens with the government: a tale of two e-participation portals in one city – a case study of St. Petersburg, Russia. In: Baguma R., De R., Janowski T. (eds). *Proceedings of the 10th International conference on theory and practice of electronic governance (ICEGOV '17)*. New York: ACM, 2017. P. 70–77. DOI: <https://doi.org/10.1145/3047273.3047276>
- Chugunov A.V., Kabanov Y., Zenchenkova K. Russian e-petitions portal: exploring regional variance in use. In: Tambouris E., Panagiotopoulos P., Sæbø Ø., Wimmer M.A., Pardo T.A., Charalabidis Y., Sá Soares D., Janowski T. (eds). *Electronic Participation, ePart 2016, Lecture Notes in Computer Science, vol. 9821*. Cham: Springer, 2016, P. 109–122. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-45074-2_9
- Chugunov A., Panfilov G., Kabanov Y. Centralization of the electronic participation system in Russia: a view from the regions. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2024, Vol. 18, N 2, P. 25–35. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-25-35> (In Russ.)
- Coleman S. *Can the Internet strengthen democracy?* Cambridge, Malden: Polity press, 2017, 144 p.
- Deutsch K. W. *The nerves of government: Models of political communication and control*. New York: Free press, 1966, 316 p.
- Dobrynin N. Constitutional principle of the integrity of public power and further evolution of the municipal governance in Russia: on the way from subsidiarity towards “democratic centralism”? *State and Law*. 2022, N 5, P. 33–46. DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019745-0> (In Russ.)
- Elstub S., Escobar O. Defining and typologising democratic innovations. In: Elstub S., Escobar O. (eds). *Handbook of democratic innovation and governance*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2019, P. 11–31. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781786433862.00009>

- Filatova O., Chugunov A., Bolgov R. Transformation of the electronic participation system in Russia in the early 2020s: centralization trends. In: Bolgov R., Atnashev M., Gladkiy Y., Leete A., Tsyb A., Pogodin S., Znamenski A. (eds). *Proceedings of topical issues in International political geography, TIPG 2021, Springer Geography*. Cham: Springer, 2023, P. 309–319. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-20620-7_27
- Grigoriev I., Dekalchuk A., Gubaydullina S. Multilevel governance and resource exchange: votes, budgets, information. *Polis. Political studies*. 2021, N 1, P. 169–181. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.12> (In Russ.)
- Gritsenko D., Indukaev A. Digitalising city governance in Russia: The case of the ‘active citizen’ platform. *Europe–Asia studies*. 2021, Vol. 73, N 6, P. 1102–1124. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1946013>
- Kapoguzov E., Revyakin C. Electronic public participation in Russia: technology or institute, solo or duo? *ECO Journal*. 2019, Vol. 49, N 12, P. 27–46. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-27-46> (In Russ.)
- Karagulyan E., Batyreva M. Social and political participation using digital services: An empty ritual or a genuine participation? *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2024, Vol. 17, N 1, P. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105> (In Russ.)
- Klimovich S. Variation of principal-agent relations in Russian federal autocracy. *Regional & Federal studies*. 2023, Vol. 34, N 5, P. 687–711. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2023.2195640>
- Kolozaridi P., Shubenkova A. Internet as a matter of social policy in Russian official discourse: A “Good” or a “Threat”? *The Journal of social policy studies*. 2016, Vol. 14, N 1, P. 39–54. (In Russ.)
- Koops B.J. The concept of function creep. *Law, innovation and technology*. 2021, Vol. 13, N 1, P. 29–56. DOI: <https://doi.org/10.1080/17579961.2021.1898299>
- Kosorukov A.A. Political incident-management. In: Soloviev A. (ed.). *Political Science. New lexicon*. Moscow: Aspect Press, 2023, P. 41–50. (In Russ.)
- Libman A., Obydenkova A. The role of historical legacies in the process of decentralisation in Russia: compliant activism in the context of the crises of the 2020s. *Territory, politics, governance*. 2023, Vol. 13, P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/21622671.2023.2279045>
- Libman A., Kozlov V. The legacy of compliant activism in autocracies: post-Communist experience. *Contemporary politics*. 2017, Vol. 23, N 2, P. 195–213. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569775.2016.1206275>
- Lorentzen P. China's strategic censorship. *American journal of political science*. 2014, Vol. 58, N 2, P. 402–414. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12065>
- Mahoney J., Thelen K. A theory of gradual institutional change. In: Mahoney J., Thelen K. *Explaining institutional change: ambiguity, agency, and power*. New York: Cambridge university press, 2010, P. 1–37. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511806414>
- Owen C. Participatory authoritarianism: from bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China. *Review of international studies*. 2020, Vol. 46, N 4, P. 415–434. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0260210520000248>
- Panfilov G.O., Chugunov A.V. Centralization of the system of e-participation in the Russian Federation: Expert interviews data. *Administrative consulting*. 2024, N 5, P. 253–264. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-253-264> (In Russ.)
- Panfilov G., Volkova O., Chugunov A. Monitoring of E-Participation Resources in the Russian Federation: Results 2020–2023. In: Tolstikova I.I., Fedosov A. Yu., Chu-

- gunov A.V. (eds). *The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 7 (Proceedings of the XXVI International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2023, St. Petersburg, June 26–28, 2023)*. St. Petersburg: ITMO University, 2024. P. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2024-7-34-46> (In Russ.)
- Renz B., Sullivan J. Making a connection in the provinces? Russia's tweeting* governors. *East European politics*. 2013, Vol. 29, N 2, P. 135–151. DOI: <https://doi.org/10.1080/21599165.2013.779258>
- Schlauffer C. Why do nondemocratic regimes promote e-participation? The case of Moscow's active citizen online voting platform. *Governance*. 2021, Vol. 34, N 3, P. 821–836. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12531>
- Starodubtsev A. Coordination, subordination and control in Russian territorial governance. *Russian politics*. 2018, Vol. 3, N 2, P. 260–281. DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00302006>
- Torffing J. Rethinking path dependence in public policy research. *Critical policy studies*. 2009, Vol. 3, N 1, P. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.1080/19460170903158149>
- Voloshinskaya A.A. Russian public initiative: paradoxes of e-democracy. *Vlast' (The Authority)*. 2016, Vol. 24, N 1, P. 47–51. (In Russ.)
- Woo S.Y., Kübler D. Taking stock of democratic innovations and their emergence in (unlikely) authoritarian contexts. *Politische Vierteljahresschrift*. 2020, Vol. 61, N 2, P. 335–355. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11615-020-00236-4>
- Zahariadis N. Ambiguity and choice in European public policy. *Journal of European public policy*. 2008, Vol. 15, N 4, P. 514–530. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501760801996717>
- Zahariadis N. The multiple streams framework: Structure, limitations, prospects. In: Sabatier P.A., Weible C.M. (eds). *Theories of the policy process*. Boulder, CO: Westview Press, 2014, P. 25–58.

Литература на русском языке

- Белов В.Г. Электронная демократия в современной России // Ценности и смыслы. – 2012. – Т. 20, № 4. – С. 129–138.
- Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. – 2016. – № 1. – С. 47–51.
- Григорьев И.С., Декальчук А.А., Губайдуллина С.Ш. Организация власти в многоуровневых политических системах и обмен ресурсами: голоса, бюджеты, информация // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 1. – С. 169–181. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.12>
- Добрынин Н.М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и дальнейшая эволюция муниципального управления в России: на пути от субсидиарности к «демократическому централизму»? // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 33–46. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S102694520019745-0>
- Капогузов Е.А., Ревякин С.А. Электронное общественное участие в России: технология или институт, соло или дуэт? // Всероссийский экономический журнал

* Twitter (сейчас X) запрещен в РФ.

- ЭКО. – 2019. – Т. 49, № 12. – С. 27–46. – DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-27-46>
- Карагулян Е.А., Батырева М.В.* Социально-политическое участие с использованием цифровых сервисов: пустой ритуал или подлинное участие? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 65–83. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.105>
- Колозариди П.В., Шубенкова А.Ю.* Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза? // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 39–54.
- Косоруков А.А.* Политический инцидент-менеджмент // Политология. Новый лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. – С. 41–50.
- Панфилов Г.О., Волкова О.И., Чугунов А.В.* Мониторинг каналов электронного участия в Российской Федерации: результаты исследований 2020–2023 гг. // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 7 (Труды XXVI Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2023, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2023 г. Сборник научных статей) / под ред. И.И. Толстиковой, А.Ю. Федосовой, А.В. Чугунова. – СПб.: Университет ИТМО, 2024. – С. 34–46. – DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-253-264>
- Панфилов Г.О., Чугунов А.В.* Централизация системы электронного гражданского участия в Российской Федерации: данные экспертных интервью // Управленческое консультирование. – 2024. – № 5. – С. 253–264. – DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-253-264>
- Чугунов А.В., Панфилов Г.О., Кабанов Ю.А.* Централизация системы электронного участия в России: Взгляд из регионов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 25–35. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-25-35>